

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Изысканный аромат духов
«Красная Москва» сопровождал
миллионы советских женщин,
а сегодня является знаком
хорошего парфюмерного вкуса.

В наши дни за старинным
флаконом «Красной Москвы»
идет настоящая охота. Он нужен
убийце, который платит за
аромат чужими жизнями...

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Тайна «Красной Москвы»

Ольга Ивановна Тарасевич
Тайна «Красной Москвы»
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951146
Тайна «Красной Москвы»: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83410-5

Аннотация

Духи «Красная Москва» и сегодня покоряют многих женщин своим роскошным ярким ароматом. Этот аромат сыновья парфюмера Генриха Брокара подарили императрице Александре Федоровне. В наши дни за старинным флаконом «Красной Москвы» идет настоящая охота. Он нужен убийце, который платит за аромат чужими жизнями... Писательница Лика Вронская получила на день рождения подарок – сертификат на посещение парфюмерной мастерской Станислава Орехова. Она отправилась к парфюмеру, чтобы он составил ей личные духи – и наткнулась на труп лаборанта. Выяснилось, что из мастерской пропал старинный флакон с духами «Красная Москва» – теми самыми, которые сыновья Генриха Брокара смешали для императрицы Александры Федоровны. Лика пытается помочь Стасу вернуть флакон – и понимает, что убийца не остановится ни перед чем, слишком многое поставлено на карту...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Тарасевич

Тайна «Красной Москвы»

© Тарасевич О. И., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны*

Пролог

За неделю до описываемых современных событий

Ее лицо везде, в каждом глянцево-м журнале, во всех ток-шоу, на многочисленных билбордах и даже бегущих по городу троллейбусах. Всем знакомы эти платиновые локоны, голубые глаза-льдинки и чуть отстраненная улыбка накрашенных красной помадой губ.

Популярность Екатерины Савицкой кажется мне вполне заслуженной. Она талантливая актриса, оригинальный сценарист, хороший режиссер. Екатерина не боится пробовать новое, ей интересно развиваться и идти вперед. Нет, это не девочка-однодневка, это – личность, характер, натура творческая и цельная. Думаю, именно поэтому Катя так красива. Я знаю каждую черточку, любую деталь ее внешности. Нет, по отдельности все безупречно: нос с горбинкой, рот маловат с учетом пропорций лица, есть легкая асимметрия бровей. Но все это частицы пазла, из которых составляется редкая, дивная, яркая красота. Лицо этого настоящего воплощения любви забыть невозможно. Тело, впрочем, тоже. Рост моей болезни – 172 сантиметра, она весит 55 килограммов, и она прекрасна. У Кати фигура настоящей женщины, соблазнительной и желанной. Мне хочется ласкать ее нежно, неторопливо, до сладкого изнеможения и стонов.

Честно говоря, я даже не помню, какой была моя жизнь до того, как в ней появилась любовь к Кате. Все прошлое словно растворилось в ослепительной вспышке – восхищении настоящей невероятной фантастической звездой.

Я плохо помню, как началась эта любовь.

Но теперь вся моя жизнь – это только Катя.

Я знаю наизусть ее подробнейшую биографию.

Я слежу за любыми публикациями, где упоминается ее имя.

Я знаю домашний адрес Екатерины Савицкой, телефоны, расписание репетиций в театре и тренировок в фитнес-центре.

Никак не могу понять, почему другие особи женского пола не учатся у Кати искусству одеваться.

Вы посмотрите, как сегодня выглядят девушки и женщины! Разве они действительно похожи на девушек?! В этих толстовках и кедах?! С этими коротко остриженными волосами?! Я вообще не понимаю, как нормальная женщина может согласиться натянуть на себя эти шмотки, уродующие и оскорбляющие женскую привлекательность.

Катя совсем другая. Она сама женственность, сама элегантность.

Я в восторге от ее белых брючных костюмов и широкополых шляп, от ее полупрозрачных платьев из органзы, от ярко-красного корсета и широкой темно-синей бархатной юбки в пол. Она может быть величественной королевой, или строгой леди, или шаловливой девчушкой, но при этом остается истинной женщиной, очаровательной и сексуальной.

У Кати всегда идеально подобраны украшения и аксессуары. Макияж ее, как правило, очень ярок, но в этой броскости нет ни тени вульгарности, как не были вульгарны Мэрилин Монро или Марлен Дитрих.

В интервью Катю часто спрашивают о духах, поэтому на моем столике собралась уже практически полная коллекция аналогичных ароматов. Конечно, Катя обожает «Шанель номер пять» и «Мицую», да и вообще ей нравятся яркие громкие запахи. «Лучше быть, чем казаться» – это все про нее, мою любовь и затяжную болезнь, от которой я вовсе не хочу поправляться.

В какой-то степени меня удивила и заинтриговала Катина любовь к духам «Красная Москва». Мне казалось, что это аромат из прошлой эпохи, немодный, непопулярный.

Если бы не Катя, у меня никогда не возникло бы интереса к подобному запаху. Но в своих интервью моя любимая женщина говорила, что этот аромат она любит надевать перед сном. Искушение узнать, как пахнет ночью Екатерина Савицкая, было слишком велико. И вот заветный флакончик у меня.

Снимаю крышечку, вдыхаю и... и замираю от восхищения... Аромат терпкий, яркий, обращающий на себя внимание, но вместе с тем не вульгарный, не дешевый... как он подходит Кате!

Конечно, мне очень хотелось сделать ради моей любви что-нибудь значительное.

Обрадовать Катю, удивить ее, заинтриговать, вызвать улыбку.

И вскоре выяснилось, что у меня есть возможность все это устроить.

Причем сюрприз будет связан именно с «Красной Москвой», теми самыми невероятными духами, которые восхищают женщин вот уже более ста лет...

Мне кажется, духи – это мой шанс получить ее любовь.

Катя замужем. Она живет с мужчиной и никогда не проявляла к девушкам никакого интереса.

Может показаться, что мне, женщине, никогда не удастся завоевать Катино сердце. Но дело в том, что до того, как влюбиться в Катю, я тоже никогда не испытывала лесбийских наклонностей. Собственно говоря, я не очень хорошо помню, что из себя представляла моя жизнь до того, как в ней появилась Катя. Но то, что в ней никогда не было женщин – это совершенно точно. Помню, годика в четыре в меня влюбились два мальчика – Миша и Славик. И я понимала, что надо выбрать кого-то одного, но кого именно – так и не могла решить. Славик поражал детское воображение огромными, как у настоящего принца, глазами на пол-лица и копной светлых вьющихся волос. Миша всегда припрятывал для меня подарочек: конфету, пирожок, яблоко или просто ромашку с клумбы. Красота или забота? Дилемма не для детского мозга. Кстати, до сих пор не могу однозначно ответить, как лучше поступить в такой ситуации. В школе я тоже пользовалась успехом. Один парень учил меня целоваться, второй делал физику, в которой я мало что соображала... Помню парней, мужчин. Помню свою практичность... Кстати, из-за нее я и стала массажисткой. Какие бы времена ни наступали, у людей всегда будет остеохондроз, отложение солей или межпозвоночные грыжи. И хороший лечебный массажист без работы не останется... Впрочем, отвлекаюсь.

Катя – первая женщина в моей жизни.

Шансов на взаимность у меня немного. Но если вдруг со мной случилось это безумие, внезапно нахлынувшая любовь к женщине – то почему с Катей не может произойти чего-то подобного?

Я верю в это всеми фибрами своей души.

Я живу только ради этого...

Глава 1

Москва, 1862–1864, Анри Брокар

Россия пахла отвратительно. От трактиров несло тошнотворной кислятиной щей и горькой ядреной водкой, все рынки заволокло туманом из преюющих овчинных тулупов, забористой махорки, густого лукового духа. И даже состоятельные дамы, приезжавшие в лавку Гика на экипажах, явно очень экономно расходовали приобретаемое тут мыло: нет-нет, да и тянуло от шерстяных платьев сладким запахом женского пота, иногда маскируемого плохими французскими духами.

Анри Брокару очень хотелось обратно в Париж. По ночам ему снилась плывущая вдоль Сены сладость ванильных булочек, оттененная горечью жареных каштанов и свежей зеленью умытых садов. А какие невероятные ароматы кружились в парфюмерной лавке отца! Сразу, как войдешь в пронизанную солнечными лучами комнату, в объятия заключают нежное масло нероли, и терпкие землистые пачули, и страстный мускус. Потом же хоро-вод ароматов отступает, чтобы мощным неукротимым потоком разлился запах абсолю красной розы, бархатной и величественной. Но самым замечательным веществом была для Анри эссенция фрезии. Казалось, к тонкому цветочному запаху добавили осколков сияющих звезд и еще чего-то такого хрустально-манящего, что очень хочется узнать, понять и постичь – только оно всенепременно ускользает, как лукавый взгляд красивой дамы, брошенный из проносящейся мимо кареты. «Одна беда во Франции – парфюмеров тут больше, чем деревьев в лесу», – вздыхал отец, подсчитывая скудную дневную выручку. Потом пропала и она, лавку пришлось закрыть и отправиться в долгое путешествие за океан, в Америку. Оказалось, парфюмеров там нет – как и не имеется и привычек у местных людей пользоваться духами да одеколонами. Троице работникам – отцу, Анри и старшему брату Жерому – с утра до вечера просто нечем было заняться, так как все полки небольшой лавки были заставлены духами, а покупатели не шли, поэтому смешивать новые составы не имело решительно никакого смысла.

«Дети, послушайте меня, – лицо отца, державшего распечатанное письмо, стало непривычно оживленным. – Вот что пишет мне старинный приятель Константин Гик. Уже три года работает он в России. Дела идут хорошо, он переезжает в более просторную лавку. А еще ему нужен помощник-лаборант. Жалованье приличное. Ни во Франции, ни в Америке пока мы таких денег не зарабатывали. Дети, я уже не молод. Для меня путешествие в Россию – непростое испытание...» «Я никуда не поеду. Мы только начали тут работать, нельзя бросать все на полпути», – протараторил Жером, быстро догадавшись, куда клонит отец. Анри усмехнулся: дела сердечные для братца всегда были поважнее духов, и он всякий вечер, закрыв лавку, торопился в гости к живущей по соседству улыбчивой вдовушке. Впрочем, это даже к лучшему... «Конечно, я поеду в Россию, – Анри обнял отца, вдохнул запах гвоздичного масла, явно не более часа назад пролитого на сюртук. – Я готов идти хоть на край света, только была бы работа!»

Жить в России оказалось делом непростым. Снежные сугробы на протяжении долгого времени навевали грусть, от кваса и капусты, подаваемых тут и в захудалом трактире, и в богатом доме, болел желудок. Анри раздражало, что местные обитатели быстро перекроили его имя на свой манер и стали называть «Генрихом Афанасьевичем». Он каждый день менял белье и сорочки, и все равно не мог отделаться от запахов грязи, источаемых всем, в том числе и собственным телом.

«И все-таки я не жалею о переезде, – думал Анри, смешивая цветочные масла, которые потом будут добавляться в чаны, где варится дамское мыло. – Тут так интересно, несмотря на все эти русские особенности! Недавно я ходил в баня – что за праздник

для носа! Залитые горячей водой березовые веники пахнут изумительно! Простые люди в этой стране моются не мылом, а щелоком, который готовят из печной золы. Даже поговорка есть: «Мыло черно, да моет бело». И я понимаю: через любовь к бане все здесь найдет спрос: и мыло, и духи...»

Закончив с работой, Анри вымыл руки, снял пропахший маслами и эссенциями фартук и заторопился в гости к бельгийцу Томасу Раве, державшему магазинчик хирургических инструментов. Тот ничего не смыслил в парфюмерии, подаренным одеколоном не пользовался и не душил ни платков, ни перчаток. Зато с ним можно было вволю поболтать по-французски. И еще у него имелась очаровательная дочь Шарлотта, чьи карие глаза и каштановые локоны лишили Анри покоя.

По дороге к Раве Брокер зашел в цветочную лавку, быстро осмотрел выставленные на прилавке букеты и указал на скромную корзинку с фиалками:

– Я возьму вот это!

Приказчик льстиво улыбнулся:

– У вас прекрасный вкус, ваша дама будет довольна.

Стараясь не расхохотаться, Анри кивнул:

– Благодарю.

Если бы только приказчик знал, для кого на самом деле предназначены эти цветы!

Конечно, получит их Шарлотта. Поставит корзинку на столик подле рояля, всенепременно – она любит, когда букет стоит именно там. А потом к роялю подойдет тенор – тот самый, который вздыхает, поглядывая на Шарлотту, и она, кажется, тоже ловит его взгляд. В общем, соперник пройдет мимо столика к музыкальному инструменту – и от его дивного голоса, божественно исполняющего итальянские арии, не останется ровным счетом ничего. Он ни одной ноты не сумеет взять и разволнуется, не будет понимать, в чем дело. Аромат фиалок – главный враг голосовых связок. Может, это не очень хорошо – использовать знания о запахах в борьбе за любимую девушку. Но Шарлотта так увлеклась этим тенором, что сердце сжимается от отчаяния...

– Месье Брокер, приветствую вас! – радушно воскликнул Раве, просиявший при виде Анри. – Прошу вас, проходите.

Гостиная была полна людей. Тот самый тенор, соперник, естественно, любезничал с Шарлоттой. Глядя на его светлые волосы, чистые голубые глаза и невероятно свежий румянец, Анри впал в отчаяние.

Можно понять Шарлотту, тенор – настоящий красавец!

А что Анри? Довольно высок, строен, темноглаз, с роскошными черными усами. «Привычный мужчина, – шушукаются про него служанки. – И одевается со вкусом. Жаль только, до девушек не охоч, все возится со своими колбами и пузырьками».

Да, у Анри привлекательная внешность.

Но тенор, тенор – у него совсем другая красота, дерзкая, броская, роковая. Ангельский лик с могучим телом богатыря из русских сказок!.. От этого мужчины надо всенепременно оградить Шарлотту – иначе она влюбится в него до беспамятства!

Анри поцеловал Шарлотте руку, вручил цветы и отошел в дальний угол гостиной, ожидая рокового конфуза тенора.

Тонкий аромат фиалок уверенно расплывался по комнате, мешаясь со сливочным запахом помады для волос, вишневым следом трубочного табака и дерзким мускусом.

И вот ничего не подозревающий певец садится за рояль, бегут по клавишам его белые тонкие пальцы.

Не для меня придет весна,
Не для меня Буг разольется,

*И сердце радостно забьется
В восторге чувств не для меня...¹*

Грудь Шарлотты, стиснутая корсетом, взволнованно вздымается, малиновые губки приоткрыты.

Но следующие строки певец уже шипит, потом закашливается. Наконец, пробормотав извинения, спешно покидает гостиную.

Гримаска разочарования на любимом лице – как она отрадна!..

Этого тенора в гостиной у Раве Анри Брокер больше никогда не видел. Зато с ним Шарлотта стала еще любезнее, охотно гуляла по саду, показывала свои альбомы с переписанными стихами и акварельными набросками.

От любовного томления Анри решил избавиться самым радикальным способом – попросить у Раве руки его дочери.

– Месье Брокер, мы с вами деловые люди. Сколько составляет ваше жалованье? – поинтересовался бельгиец после того, как с невероятным волнением Анри озвучил свое предложение. – Вы же знаете, я к вам питаю глубочайшее уважение. Но как отец я должен быть уверен, что дочь моя попадет в приличный дом, где имеется все необходимое для ее покойной и счастливой жизни.

– У месье Гика я получаю сто сорок рублей, – пробормотал Анри, краснея.

Строго говоря, жалованье составляло сто двадцать рублей. А как это вдруг получилась к нему небольшая прибавка – Брокер и сам не понял, вот вырвалось, и все тут.

– Моему сокровищу нужна более достойная оправа, – отрезал Раве, но тут же приветливо улыбнулся. – Однако я не отказываю вам. Я готов подождать, пока вы заработаете достаточно средств, чтобы содержать семью. И у меня нет ни малейших сомнений в том, что у вас получится осуществить задуманное!

Эта искренняя поддержка Раве помогла Анри Брокеру.

Он несколько недель ломал голову над тем, как бы ему заработать. И потом действительно придумал-таки очень хороший способ.

Работая с месье Гиком, он постоянно сталкивался с тем, что некоторые цветочные эссенции и масла не обладали достаточной стойкостью. Однако добавление в их состав определенных веществ натурального или искусственного происхождения позволяло цветочным нотам звучать ярче, и жизнь запаха на коже продлевалась до двенадцати, а порой и двадцати четырех часов. Естественно, на платках и перчатках запах ощущался до нескольких суток.

Анри съездил в Грасс и продал свои разработки парфюмерной фабрике за 25 тысяч франков. Этой суммы, по его подсчетам, должно было хватить на то, чтобы открыть собственное дело. И уж тогда Раве позволит жениться на несравненной Шарлотте!

Когда согласие отца на брак было получено и вовсю шла подготовка к свадьбе, Шарлотта открылась Анри с новой удивительной стороны. Намного больше подвенечного платья ее заботило то, как обстоят дела на мыловаренном предприятии будущего мужа.

Анри только успел снять помещение (конюшню Фаворских, отданную за небольшую плату при условии проведения там ремонта) и нанять двух рабочих, как Шарлотта изъявила желание лично все посмотреть.

– Водки пить вам непозволительно, – объясняла она нанятым работникам Герасиму и Алексею. – Пьяный человек – плохой работник.

Мужики недовольно загудели:

¹ Популярный романс предположительно на стихи А. Молчанова, обработку текста и музыку приписывают Н. Девитте. – Прим. автора.

– *Что, прямо ни политофа?*

– *А после бани, барыня?*

– *И после бани – особенно! – Девушка нахмурила тонкие бровки, карие глаза смотрели строго.*

Анри обнял будущую супругу за плечи.

– *Я бы такую серьезную и красивую не ослушался!*

Она вздохнула:

– *О, Анри! Тебе придется выгнать не одного рабочего, чтобы они не пили! Ты не знаешь России!*

В его сердце вдруг стало на удивление легко и спокойно. Всей своей душой Брокер понял, что нашел в Шарлотте не только красивую примерную жену, но и верного помощника в делах.

* * *

Сегодня мне тридцать пять лет.

Господи, Господи, мне целых полдня уже тридцать пять лет! А я все никак не могу поверить, что имею отношение к этой солидной цифре.

Утром рефлексировать по поводу собственного возраста было некогда.

Вывести собаку, хитрющего голден-ретривера Снапа, обладающего вальяжностью английского лорда.

Разбудить дочурку, втолкнуть в Дарину овсянку, собрать чудушко мое чудное в детский садик. Потом долго торчать с малышкой в пробке, пытаюсь выехать на шоссе из нашего коттеджного поселка.

И постоянно в режиме нон-стоп – телефон, скайп, мейлы.

Я честно отыграла все свои профессиональные и социальные роли.

Журналистка Лика Вронская поблагодарила за поздравления редактора еженедельника «Ведомости», писательница Лика Вронская пообещала редактору издательства творить с удвоенной энергией, сценаристка Лика Вронская заверила киношников, что скоро обязательно покорит Голливуд. Поздравления от родителей искренне обрадовали, голоса пары-тройки «бывших» вызвали раздражение.

В общем, все было напряженно и обычно.

А теперь я наконец осталась одна, с компьютером, собственным тридцатипятилетием, кучей горящих проектов и совершенно растрепанными мыслями.

Подходить к зеркалу даже не буду, там полный порядок. Стройная зеленоглазая блондинка, все при мне. Не знаю, надолго ли еще. Но пока – без особых усилий. Понятия не имею, что будет с моим душевным состоянием, когда со мной перестанут на улицах знакомиться студенты. Но может, тогда на мою неземную красоту обратят внимание пенсионеры, и это меня слегка утешит?

Тридцать пять, тридцать пять...

Я открыла файл со своим детективным романом, потом щелкнула по незаконченному эпизоду полицейского сериала. Истории, придуманные интриги, необычные миры, странные характеры – все то, от чего обычно у меня захватывает дух и мурашки бегут по коже, сейчас оставляло полностью равнодушной.

Нет, работать в таком состоянии нечестно.

Я стремлюсь, чтобы мои книги и фильмы дарили людям радость, придавали им сил и веры. Такого результата невозможно добиться, когда собственная энергетика упала ниже плинтуса, а на душе кошки скребут, и...

Я вскочила из-за стола и заходила взад-вперед по кабинету.

Действительно, в самом деле, пора прекратить тупо врать самой себе!

Да, мне тридцать пять лет, и я глубоко несчастна.

Только дело совершенно не в возрасте, пусть хоть сорок, хоть сто пятьдесят!

Положа руку на сердце, я обычно вообще не помню, сколько мне лет. И считаю, что можно быть противным занудой в двадцать и обольстительной красоткой в «полтинник». Возраст – он вообще не в паспорте, а в желании жить, в умении радоваться жизни.

Я нервничаю и расстраиваюсь из-за того, что мой любимый муж Андрей² свалил в командировку в Штаты.

Еще когда он планировал поездку, я расстроилась: уезжает месяца на три, а у меня день рождения...

Впрочем, я понадеялась, что он сделает сюрприз, вырвется в Москву поздравить меня. Конечно, перелеты через океан – удовольствие не из дешевых. Но у Андрея успешный бизнес, его компания строит офисы и жилые дома, и он может себе позволить такие поездки.

Однако возможности, похоже, не всегда совпадают с желаниями.

Конечно же, Андрей не прилетит – иначе накануне он обязательно бы позвонил, попросил встретиться в аэропорту. А еще он бы спросил про сауну, попросил включить ее. Андрей обожает поваляться на полке, но накануне его отъезда у нас замкнуло проводку, и банька больше не грелась. Естественно, я давно вызвала электрика, сауной снова можно пользоваться. Но какой смысл ее включать, когда главный парилыщик нашей семьи сейчас безмятежно спит в Нью-Йорке?..

«У меня нет поводов злиться на Андрея, – убеждала я себя, меряя шагами комнату. – Он отличный муж, заботливый и внимательный. Дарина не его родная дочь³, но он обожает ее, как собственного ребенка. Я чувствую, что могу доверять ему в сложной ситуации. Мне приятно на него смотреть, я люблю заниматься с ним сексом и болтать обо всем на свете. А день варенья... ну замотался мужик, бывает. Лучше вытереть сопли, открыть скайп и позвонить ему. Да ну его, это гордое страдание. Я так люблю мужа, и...»

Экран компьютера словно подслушал мои мысли – вспыхнул, открылось окошко скайпа, и под звук вызова на мониторе появилась фотография Андрея.

Мне очень нравился этот снимок, я сама его сделала. На нем у мужа такое выражение лица, как у удивленного мальчишки. Девушки часто оглядываются вслед Андрею, и я их понимаю. Сама растаяла от этих голубых глаз и обаятельной улыбки. А видели бы они еще его пресс, настоящими кубиками, а не валиками, как у пивных фанатов!

– Именинница, я люблю тебя!

– И я тебя люблю! А почему ты не включаешь видеокамеру?

Андрей вздохнул:

– Ну, Шерлок Холмс! Я даже поздравить тебя не успел. А ты уже во всем дошла до самой сути.

– Что-то случилось?

– Случилось. Попал под лошадь О. Бендер.

Я застонала:

– Ты с ума меня сведешь! Давай продемонстрируешь свое чувство юмора позже? Что произошло?

– Да вот представляешь, спустился позавчера в прачечную. Чистые рубашки закончились. А я же не могу лететь на день рождения к любимой жене в грязных шмотках. Решил постираться. Ну и споткнулся в этой долбаной прачечной. На ровном месте, как говорится. Пытаюсь встать – не встается. И вот...

² См. роман О. Тарасевич «Подарок Мэрилин Монро».

³ См. роман О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского».

Андрей включил камеру, и я схватилась за голову.

Боже, да вы только посмотрите на этого страдальца! Бедный мой, бедный! Лежит на больничной койке, нога загипсована и прикована к какой-то металлической конструкции...

– Я в этой медицине не шарю. Но упал очень неудачно. Там в ноге что-то сместилось. Мне делали операцию. Под общим наркозом, прикинь? Короче, куковать в таком положении придется минимум месяц. Это если повезет, конечно. Я тут погуглил – перспективы мрачные, но не будем напрягаться раньше времени. Очень жаль, что я тебе такой подарочек «клевый» сделал. Но он, конечно, не единственный, ты не подумай! Я более креативен, и сломанная нога не помеха.

У меня защемило сердце.

– Прости меня! Я думала, ты заработался и вообще просто забыл про мой день варенья.

Андрей схватил костыль и помахал им перед планшетом:

– Даже думать так не смей! Приеду – отшлепаю!

– Мне стыдно. Очень!

Он махнул рукой:

– Да ладно, я тоже хорош. Короче, слушай сюда. В цветочной лавке тебя ждет букет, из орхидей – все как ты любишь. В кондитерской – торт. Я не заказывал доставку, потому что не знал твоих планов. Но может, так лучше? Поедешь к родителям, все заберешь по дороге. Курьеры опаздывают, плутают по нашей деревне. А лимит негативных эмоций на сегодня у моей девочки исчерпан...

Я слушала рассудительный голос Андрея и одновременно прикидывала: ну вот, он на месяц залег в американскую больницу. Перелом ноги – досадно, но, к счастью, не смертельно. В Нью-Йорке у Андрея компаньон, хороший друг. Он всегда его навестит, подвезет что нужно. Со мной муж будет продолжать общаться по скайпу, как общался каждый день. Но, елки-палки, эти расстояния! Когда невозможно позаботиться о заболевшем любимом, когда нельзя принести приготовленный специально для него супчик или пирожок... Меня это напрягает. А может, взять Даринку и поехать в Штаты? Собаку отвезу к родителям, роман и сценарии можно писать где угодно. Я ведь уже несколько лет не привязана ни к каким офисам. Хотя нет... Все не так просто, я не настолько свободна, как показалось на первый взгляд... Мы хотели поменять плитку на участке, старая потрескалась, на следующей неделе, если не будет мороза, придут рабочие. Еще Андрей решил сделать возле дома свою скважину – трубы в нашей деревне ужасные, зимой вода замерзает, и муж решил, что лучшим выходом будет автономное водоснабжение... Я привязана ко всей этой бытовой, и...

– Лирика! Ты меня слышишь?

Я вздрогнула и виновато улыбнулась:

– Если честно, не очень, милый. Думала, что хочу вырваться к тебе, но наша стройка не позволяет. Или забить на все? Проживем и со старой плиткой.

Он притворно нахмурился:

– Ну уж нет! Должен же хоть кто-то в нашей семье заниматься делами! Не надо сюда приезжать, даже не думай... Пока ты выпадала в офлайн, я тут кое-что говорил. А сейчас слышишь меня?

– Ага.

– Тогда повторяю: у тебя на мейле лежит сертификат. Распечатай его и позвони по указанному на нем телефону.

– А что это за сертификат?

– На посещение парфюмерной мастерской и составление твоего личного парфюма. Я люблю дарить тебе духи. Но в этот раз не получилось. Я думаю, визит к настоящему

парфюмеру тебя немного утешит и развеселит. Я посмотрел на сайте фотку этого чувака. На героя Зюскинда вроде не похож...

У меня комок застрял в горле.

Хотелось сказать, что, даже находясь далеко, Андрей легко делает меня самой счастливой женщиной на свете. Но это прозвучало бы слишком пафосно и банально. А других фраз мой размякший от радости и любви мозг что-то все не придумывал...

* * *

Февраль выдался довольно теплым и малоснежным. И меня это, как уже почти настоящего деревенского жителя, не могло не радовать. В Москве я особо не обращала внимания на расчищенные тротуары и автостоянки. А снегоуборочная техника, работающая на дорогах, чаще всего вызывала раздражение: почему так медленно?

В нашу первую зиму в коттедже нас заваливало так, что дверь утром было невозможно открыть. Фитнес-центр утратил свою актуальность – прокладывая тропинку к гаражу, мы с Андреем успевали намахаться лопатами до полного изнеможения. Больше всего приходилось поволноваться из-за трактора, который вроде бы вызывала охрана поселка, но до наших сугробов он доезжал не всегда. Пару раз Андрею приходилось отменять встречи, потому что выбраться даже на его полноприводном джипе из местных снежных джомолунгм было невозможно.

А сейчас в этом плане все замечательно. Снега ровно столько, чтобы красиво присыпать японские сосны на нашем участке.

Я открыла гараж, завела свою старенькую, но изумительно надежную «Тойоту Рав#4» и поехала в Москву.

План действий вырисовывался следующий: сначала парфюмерная мастерская (мы со Стасом Ореховым договорились о встрече прямо на его сайте, в специальной форме для связи, он как раз был в онлайне), потом забрать торт и цветы, далее – в детский сад за Даринкой, а затем – ужин с родителями.

«Андрей знает меня, как облупленную, – увидев, что выезд на шоссе свободен, я улыбнулась. – Визит в настоящую парфюмерную мастерскую – для меня лучший подарок. Всегда дико хотелось научиться придумывать духи. Но наверное, мне уже придется заниматься этим в следующей жизни. Такое образование надо получать только во Франции, а у меня дочь, и муж, и собака. Как все это бросить минимум на несколько лет? А еще я думаю, в этой сфере очень высокая конкуренция – поэтому начинать лучше в молодости. Хотя вроде бы в Инете писали, что Кайлис Бейкер, автор диоровского «Жадора» и кучи других классных парфюмов, пришла в профессию после тридцати. Но это, наверное, исключение, а не правило. И потом, мне не нравится то, что теперь происходит на парфюмерном рынке. Сейчас каждый сезон сопровождается выходом новинок. Они все – на одно лицо. Перепутать «Опиум» и «Мажи нуар» или «Пуазон» с «Трезором» невозможно, потому что их творили, а не выпускали в спешке... Мне не нравится, что знакомые ароматы становятся другими. Покупаешь известный парфюм – а он вроде бледнее, не такой стойкий. Говорят, это из-за того, что в мире все больше аллергиков, поэтому многие компоненты, традиционно использовавшиеся в производстве, теперь запрещены. В общем, любимые парфюмы вызывают у меня сейчас не радость, а желание побурчать, что раньше и трава была зеленее, и духи прекраснее. Ну и ладно, не быть мне парфюмером... Вот, вспомнилось вдруг... Свои первые заработанные деньги я потратила именно на духи. Причем так и не смогла выбрать между «Трезором» и «Поэмой», и купила оба аромата. Благо я всегда умудрялась устраиваться в те газеты, где прилично платили даже студентам...»

Увлеченная своими мыслями, я и не заметила, как почти добралась до парфюмерной мастерской. Правда, машину пришлось оставить, не доезжая центра. Лучше немного пройтись или проехать на метро, чем долго и мучительно пытаться прорваться через пробку.

Добраться до нужного подъезда «сталинки» оказалось просто – золотистые таблички «Парфюмерная мастерская Станислава Орехова» здорово облегчали эту задачу. Позвонить в домофон я не успела – входная дверь распахнулась, и из нее вылетела, как на водных лыжах, хрупкая девушка с черным упитанным лабрадором-ретривером, неистово машущим хвостом. Да, лабрики – они такие, когда хотят гулять, им все по барабану. Мой Снап – тоже ретривер. Но голдены при довольно значительном внешнем породном сходстве отличаются от лабров, как неторопливые английские лорды от энергичных американских ковбоев...

Я вошла в подъезд и, вдохнув, едва не застонала от удовольствия.

Или тут проходила женщина, пользующаяся изумительными духами. Или – что всего вероятнее – парфюмерная мастерская находится на первом-втором этажах, и это оттуда доносятся такие потрясающие ароматы.

Я шла на запах жасмина, сплетающийся с ароматами ванили и еще чего-то невообразимо космического, и понимала, что совершенно растеряна.

Какой же аромат мне выбрать?

Еще зима, и сладкий гурманский парфюм будет очень в тему. А может, приготовиться к встрече весны? Какой жасмин, жасминище натуральный из мастерской плывет – как будто бы носом во влажный после дождя куст уткнулась! Или лучше заказать аромат для лета? Или попросить сделать что-нибудь из того, что я очень любила, но что давно снято с производства, и...

Мысли оборвались внезапно. Я поднялась на второй этаж и вздрогнула.

Как в детективных фильмах, как в моих романах, как в собственных сценариях.

Все было именно так, как я много раз видела или описывала.

Дверь нужной мне квартиры, откуда растекались дивные тонкие ароматы, была приоткрыта.

И я почему-то совершенно точно знала, что именно там обнаружу.

Лежащий на полу труп.

Я вдруг осознала это так ясно, как будто бы уже увидела, и по коже побежали мурашки.

В голове пронеслось: «Надо позвонить знакомому следователю Володке Седову».

Но координация действий и мыслей никогда не была моей сильной стороной.

Как зомби, я приоткрыла дверь и вошла внутрь. И через пару секунд вскрикнула.

Нет, в прихожей трупа не было. Но он прекрасно просматривался от входной двери.

Парфюмер лежал лицом вниз в просторной уютной комнате, где, наверное, принимал клиентов. Мой взгляд на мгновение прилип к кровавому пятну на белоснежном ковре. Похоже, мужчину ударили в левый висок, и кровь натекла именно оттуда.

Я подошла к телу, опустилась на колени, без особой надежды взяла парфюмера за руку и вздохнула. В общем, как и предполагалось: нащупывать пульс нет необходимости, запястье уже прохладное, безжизненно-восковое.

А еще в этой комнате явно что-то искали...

В стене сделаны декоративные ниши, в них, видимо, стояли флаконы духов – теперь же часть из них разбросана по полу.

Возле дивана – столик с рядами небольших одинаковых пузырьков, но некоторые упали, да и эти блоттеры, разлетевшиеся по поверхности стола неэстетичным веером, тоже вряд ли изначально лежали в таком виде.

Манекен в винтажном платье завалился на подоконник... Или это все – следы борьбы? Такой вариант тоже, пожалуй, исключать не стоит...

Впрочем, ладно.

Хватит играть в следователя, пусть приезжают профессионалы и делают свое дело.
Я достала мобильный телефон, набрала номер Володи Седова. И вся похолодела.

Возле входной двери послышалось звяканье, потом дверь распахнулась, в квартиру вошел высокий темноволосый немного полный мужчина. Он уставился на труп, перевел ошалевший взгляд на меня – и замер.

– Седов, запоминай адрес, – заорала я наконец-то отозвавшемуся приятелю. – Это парфюмерная мастерская, тут труп мужика, и еще кто-то прямо сейчас вошел в квартиру. То есть один труп, мужской, лежит. А пришел тоже мужик, но другой, живой. Кажется, он без оружия...

Я понимала, что лепечу что-то маловразумительное. Но я перепугалась до одури! Пространство коридора такое узкое... Если я брошусь вперед, меня легко схватить... Окно за спиной – тоже не вариант, расшибусь...

– Беги оттуда! А я скоро буду! – заорал Володя после секундного замешательства и отключился.

– П-привет... А зачем вы убили Юрия? – поинтересовался мужчина, на негнущихся ногах приближаясь ко мне.

Он выглядел таким испуганным, что чувство опасности, парализовавшее меня еще совсем недавно, отхлынуло.

– Я не убивала. Я не знаю этого человека. Юрий? А я думала, это Станислав Орехов убит, парфюмер.

– Да это я – Стас Орехов. – Мужчина опустился перед телом на колени, пристально посмотрел на труп, должно быть, пытаюсь, как и я, обнаружить в нем признаки жизни. – Он точно не дышит?

– Он мертв. Не надо нам ничего трогать. Полицию я вызвала... А я думала, что это хозяина мастерской убили. Я – Лика, мы с вами договаривались о встрече.

– Ужас какой... – Парфюмер встал, дошел до кресла, присел на подлокотник. – Вы написали, у меня как раз образовалось окно, я решил, что еще успею сходить пообедать. Юрий – мой помощник, он лаборант, химик. Должен был привезти мне кое-что из масел. Ключи у него от мастерской были... В голове не укладывается.

– Сочувствую. Мне кажется, здесь что-то искали.

– Да? – Станислав повертел головой по сторонам и кивнул. – Да, точно искали, все перерыто. Творческий беспорядок – это вообще не про меня. А тут как Мамай прошелся.

– У вас имелись какие-то ценности в мастерской?

Он пожал плечами:

– Компоненты для составления ароматов никогда дешевыми не были. Но это вряд ли может заинтересовать грабителя. Тем более – убивать человека ради флакончика абсолю... Наверное, Юра дверь не закрыл. Шел какой-нибудь наркоман, увидел, что открыто. Убил Юру, стал искать, чем бы поживиться...

Станислав говорил вполне убедительно.

Его вид – сначала дико испуганный, теперь расстроенный – тоже полностью соответствовал ситуации.

И я не смогла бы объяснить, почему я в те минуты не верила парфюмеру.

Но я ему не верила.

Почему-то чем больше Станислав меня убеждал в том, что красть у него нечего, тем больше я понимала, что этот мужчина в лучшем случае кое-что недоговаривает.

Не то чтобы я отличаюсь особой проницательностью. Я доверчива, как ребенок, и меня легко обмануть. Но это мой сознательный выбор. Мне просто легче решать проблемы по мере поступления, чем жить в постоянном ожидании этих проблем, обмана, предательства.

И все-таки иногда я шкурой чувствую ложь. Я слишком долго была журналисткой. А в этой профессии часто приходится идти по лезвию ножа, балансировать между противоположными интересами, оценивать потенциальные риски судебных исков и прочие возможные неприятности. Иногда я чувствую ложь невероятно остро. И вот сейчас – тот самый случай...

* * *

Немного придя в себя, я дозвонилась до мамы, попросила ее забрать дочь из садика и захватить за презентами Андрея.

Оформление всех бумаг в случае убийства – дело долгое; часов пять, не меньше занимает. Но я все-таки рассчитывала к восьми-девяти вечера освободиться, попасть к родителям и выпить в честь своего дня варенья безалкогольный коктейль.

Орехов вышел в другую комнату. Я прокричала ему, чтобы он ничего не трогал до приезда экспертов, но парфюмер никак не прореагировал на мое замечание. Было похоже, что первый шок от произошедшего у мужчины прошел. И он что-то лихорадочно обдумывал.

А прошел ли шок у меня?..

Я покосилась на труп (заодно заметила закатившуюся под столик мраморную статуетку со следами крови, явное орудие убийства) и вздохнула.

Пожалуй, теперь вид мертвого тела меня меньше шокирует, чем лет десять назад, когда я только начинала писать детективы, не видела вскрытий в морге и не выезжала с Седовым на место происшествия.

Привыкнуть к угрозам своей безопасности для меня, наверное, невозможно. Всегда чуть что не так – трясусь от страха, как мышь под веником. Вот и сегодня: прежде чем я поняла, что внезапное появление Орехова ничем не угрожает, успела перепугаться до смерти.

И конечно, невозможно не реагировать на сам факт насильственной смерти. Жизнь человека – наивысшая ценность. И те подонки, которые пытаются распоряжаться чужими жизнями по собственному усмотрению, должны нести ответственность за свои действия – тут и обсуждать нечего.

Я очень хочу, чтобы убийца химика Юры оказался за решеткой!

Наверняка у мужчины были жена, дети, родители. Сколько судеб разрушено – и никто ответственности не понесет? Нет, такого допустить нельзя!

Я встала с кресла и подошла к окну.

Наконец-то явился спасатель мой! Вот возле подъезда паркуется темно-синий Володин «Форд-Фокус». Хорошо, что Орехов не собирался меня убивать. После моего звонка не меньше получаса прошло, а следственно-оперативная группа так и не появилась, да и Володя только сейчас подъехал. Можно было бы уже сто раз порезать меня на кусочки!

– Юру убили. На его месте мог оказаться я...

Услышав тихий голос Орехова, я на цыпочках вышла из комнаты и подошла к двери (ванной или туалета; наверное, парфюмеру надо было срочно совершить конфиденциальный звонок, и он решил, что место подходящее).

Тем временем он продолжал:

– Да, я уже спокоен. Почти спокоен. Но ты представляешь, пропало кое-что важное. Духи «Красная Москва», те самые... Тут еще была клиентка, но не думаю, что она взяла. Убийца пришел именно за ними. Наверное, следил за мной, видел, что я ухожу. Поднялся в квартиру, а тут Юрка пришел. Так, пока. Потом поговорим. Я слышу голоса у двери. Полиция, похоже...

Я быстро отскочила от двери и скрылась в комнате с трупом. Потом сделала вид, что точно так же, как Орехов, услышала шум на лестнице и вышла в коридор. Лицо парфюмера было расстроенным и напряженным. И я еще раз подумала, что что-то тут не так. Ну не вызывает у меня этот человек доверия...

Глава 2

Москва, 1864–1882, Анри Брокар

День выдался, как всегда, непростым. К шесту утра пришел Анри на фабрику. Герасим с Алексеем уже протопили печь и положили в большие кастрюли все необходимое для приготовления мыла. Анри быстро смешал ароматические масла, добавил их к мыльной основе, потом долго водил деревянной лопаткой в булькающей светло-серой массе.

К обеду несколько дюжин кусков мыла были уже упакованы в бумагу и сложены в коробки. Рабочие перенесли их в повозку, Анри сел за возницу, и через кружащиеся снежные хлопья поехал по неприветливым, нахохлившимся московским улочкам.

И вот первая лавка, и замирает в волнении сердце.

Но как обычно, отвечает приказчик:

– Купец сказал твоего мыльца не брать, мы уже вдоволь набрали мыла от Рале⁴.

Не получается.

Опять ничего не получается...

Не сдаваться, бороться!

Стиснув зубы, снова туда – в снег, холод, безнадежность.

Там вновь отказ.

Скрипят колеса, леденеют пальцы, застывает душа.

– Не надо нам твоего мыла, забрали уже у Рале...

Опускаются руки: зачем делать товар, который никто не берет?

Нечем платить рабочим, не на что покупать ароматные масла. И Шарлотте дать тоже нечего – вот, наторговал сегодня, всего рубль с мелочью...

Положив деньги в карман жилета, Анри Брокар вздохнул. Пожалуй, на сегодня фабрику можно закрывать. Алексей с Герасимом отпущены после обеда, варить новое мыло ни к чему – сваренное утром еще не продано. Пора возвращаться домой, краснеть, передавая любимой скудный заработок...

– Какая же ты красивая! – вырвалось у Анри при виде свежего румяного личика Шарлотты.

Беременность необычайно шла жене. Она вся словно светилась каким-то невероятным светом, была так счастлива и покойна, словно бы финансовые дела супруга обстояли весьма и весьма недурственно.

Шарлотта чмокнула мужа в щеку, распорядилась, чтобы подавали обед. И, положив руку на живот, улыбнулась:

– Все хорошо будет с твоим мылом. Говоришь, у Рале купцы берут? Так это ничего. Надо сделать такое мыло, какого нет у Рале. Мы ждем ребенка, и вот что мне подумалось – детки умываться не любят. А коли выпустить мыло в форме зайчиков и мишек – им забава будет. А еще на мыле хорошо азбуку разместить. На каждом кусочке – по буквке. Так детки и чистыми будут, и читать выучатся. И конечно, надо сделать мыло для простых людей.

– Дорого оно для них.

Шарлотта пожала плечами:

– А ты сделай недорого. Кусочек поменьше, ароматного масла не лей. Главное – чтобы копейку оно стоило, вот не больше! У Рале-то тридцать копеек за кусок берут. Но ты не переживай. Эти копеечки скорее тебе миллион рублей принесут, чем Рале.

⁴ Альфонс Рале, владелец парфюмерно-косметической фабрики, после революции – фабрика «Свобода». – Прим. автора.

Шарлотта оказалась права.

К тому дню, когда на свет появилась маленькая Евгения, Брокер уже всю торговал мылом для детей. Раскупалось оно быстро. Уже не нужно было в повозке объезжать лавки: купцы да приказчики сами в очередь перед фабрикой-конюшней выстраивались. «Читая выучился по Брокеру», – хвастались родители успехами своих детей.

А еще «детского» приказчики брали «народное» мыло. Стоил кусок копейку, копейку и самому бедному человеку на мыло было не жалко.

Пришлось нанимать новых рабочих, потом съезжать из конюшни в более просторное помещение, так как из покупателей постоянно стояла очередь.

Заботы о дочери не мешали Шарлотте живо интересоваться делами мужа. Она придумывала красивые этикетки и новые сорта, помогала выгонять с фабрики пьяниц да воров и при этом ловко считала выручку, расплачивалась с поставщиками.

– Я так счастлив, – признался Анри, зарываясь лицом в мягкие каштановые локоны жены. – Теперь наконец я могу позволить себе сделать то, что давно хотел.

– Что же это? – Шарлоттины тонкие бровки взлетели вверх, и на милом личике отразилось нескрываемое любопытство. – Какое-то новое мыло? Или какой-нибудь другой товар?

Анри покачал головой:

– Даже не пытай меня, все равно ничего не скажу.

На самом деле ему очень давно хотелось подарить Шарлотте духи.

Такие, как она сама – нежные, но яркие, и чтобы они впитали и силу Шарлотты, и ее доверчивую беззащитность, и утреннюю первую улыбку, и обещание страсти в лукавом взгляде.

Состав духов Анри видел пока приблизительно.

Знал, что там обязательно будут роза и жасмин, этот дуэт – воистину душа женской мягкости и очарования. И без ванили обойтись никак нельзя; ваниль – это сама любовь, нежная, сладкая.

Но вот как показать внутреннюю силу, твердость? Кориандр? Гвоздика? Бергамот?..

Работать над духами приходилось по ночам.

Анри принес с фабрики все необходимое и оборудовал в соседней со спальней комнате настоящую мастерскую.

Он составлял композицию – и видел перед собой Шарлотту.

Вот она склоняется над колыбелью дочери. Добавляем нежный иланг-иланг, улыбку матери, любящей милое дитя всем своим сердцем.

Вот жена сидит перед зеркалом, разбирает замысловатую прическу – а потом с легкостью вскакивает и начинает кружиться по комнате. На щеках румянец, губы шепчут: «Милый, милый, как славно я все придумала! Ты только послушай меня! Зачем платить мне за пудру и помаду другим фабрикантам? Сделай все эти дамские штучки для меня. Мы можем выпускать пудру и помаду вместе с мылом! А еще можно сделать красивый, но недорогой наборчик: мыло, помада да пудра. Какой успешно поторговавший на ярмарке мужик не возьмет такого гостинца для своих жены и дочек?» Да, непременно нужно ввести в состав апельсиновый цвет – он точно передает радость, упоение жизнью и работой.

А вот Шарлотта наказывает рабочего-пьяницу. Унюхала хлебную кислоту самогона и хмурится: «На первый раз из жалованья вычту, а потом и вовсе выгоню». Гвоздика. Только гвоздика, причем яркая. Эта сила Шарлоттино характера, твердость его.

Анри много раз представлял, как торжественно вручит жене заветный флакон, как скажет, что она его муза, вдохновение и самая надежная помощница.

Однако с Шарлоттой решительно ничего нельзя было предугадать.

Буквально в тот день, когда состав был окончательно готов, она ворвалась в мастерскую стремительным вихрем, мгновенно определила склянку, где отстаивался состав ее именных духов, брызнула на платок, взмахнула им перед носиком.

У Анри замерло сердце, Шарлотта же удовлетворенно кивнула головой.

– Это то что надо! Мне очень нравится!

– Слава Всевышнему! – вырвалось у Анри.

Он собирался было сказать, что это подарок для обожаемой женушки, однако Шарлотта выпалила:

– Вот эти духи надобно подарить герцогине Эдинбургской. Она приезжает в Москву, будет прием. Мне удалось устроить все так, что мы приглашены. Это твой шанс, Анри!

Брокер робко улыбнулся:

– Шарлотта, эти духи я хотел подарить тебе. Чтобы только ты ими пользовалась!

Жена покачала головой:

– Милый, духи вышли слишком чудесными для меня одной. Это преступление – скрывать твой талант и владеть им единолично. Нет-нет, не вздумай мне перечить! Их непременно надо преподнести герцогине Эдинбургской! Помнишь, ты рассказывал мне свой сон?..

Анри кивнул.

Сон тот приснился ему в самом раннем детстве.

И был он очень странным.

Сначала виделись ему большие снежные просторы, белоснежные, искрящиеся на солнце. Потом на этом снегу вдруг оказывалась корзина цветов, самых разных. Имелись в ней и беленькие ландыши, и сочная сирень, и пламенные тюльпаны, и нежные голубые ирисы. От этой корзины разливался изумительный аромат, его подхватывал ветер, и, казалось, весь мир превращается в сад, благоухающий цветочной сладостью.

– Нам надо сделать ту корзину цветов. – Шарлотта обняла мужа, прижалась к нему всем телом, и Анри почувствовал, как жена дрожит от предвкушаемого возбуждения. – Цветы должны быть восковыми. Но такими искусными, чтобы никто не мог их отличить от самых настоящих. А еще надобно их пропитать духами. Это возможно?

Анри пожал плечами:

– Мне кажется, что нет. Однако коли моей женушке чего-то угодно – я обязан попытаться выполнить ее желание.

Голос Анри прозвучал уверенно. Но в глубине души он понимал, что воск слишком груб для того, чтобы воссоздать нежность цветочных лепестков. К тому же такой материал совершенно не годится для сохранения запахов.

Однако Шарлотта научила мужа главному: идти к своей цели, какой бы недостижимой она ни представлялась. Только в пути можно добиться невероятного. Только двигаясь, можно получить мечту свою, самую дерзкую. Идти – это единственный способ...

Через месяц, к своему огромному удивлению, Анри был представлен герцогине Эдинбургской. В его руках находился подарок – изумительная благоухающая корзинка из восковых цветов, выполненных точь-в-точь как настоящие. К корзинке прилагалась пара флаконов с духами, которыми были пропитаны кусочки платка, искусно и незаметно прикрепленные к восковым ландышам и сирени. На этикетке значилось – «Букет герцогини». Жена посчитала, что название «Букет Шарлотты» в связи с тем, что дар предназначается королевской особе, будет звучать слишком нескромно.

– Мы знаем, что это мои духи. Но говорить про это всему свету нет необходимости, – объяснила она свое решение.

Когда герцогиня Эдинбургская вдохнула аромат, разливающийся от корзины, Анри почувствовал себя самым счастливым человеком на всем белом свете.

Та, в чьих жилах текла кровь монархов, та, которая могла пользоваться лучшими духами из любой парижской лавки, закатила глаза от неописуемого искреннего восхищения. Пару мгновений у нее даже не было слов, чтобы выразить свою благодарность – такое сильное впечатление произвел запах на Марию Александровну.

И лишь потом она выдохнула:

– Месье Брокер, это божественно...

Через пару недель в дом Брокеров передали копию письма московскому губернатору.

«Государь Император Высочайше изволил разрешить Московскому парфюмерному фабриканту и купцу французскому подданному Генриху Брокеру именоваться поставщиком Государыни Великой Княгини Марии Александровны с правом употреблять на вывеске вензелевое изображение Ее Императорского Величества».

Прочитав текст, Шарлотта захлопала в ладоши:

– Какая радость! Теперь мы найдем управу на тех, кто подделывает наше мыло!

Анри вопросительно посмотрел на жену. Действительно, в последнее время «брокеровское» мыло подделывали повсеместно. Оно стоило точно столько же, сколько стоит оригинальное, однако плохо мылилось и не обладало тонким приятным запахом. Недовольные покупатели обращались на фабрику – и Анри приходилось терять на разъяснения много времени.

– Ты думаешь, теперь нечистым на руку дельцам станет стыдно? – поинтересовался Анри, обнимая жену.

Она отстранилась и посмотрела на него ласково:

– Ты никогда не поймешь эту страну и этих людей, любезный мой супруг. Им никогда не будет стыдно подделывать твое мыло. Но теперь мы разместим на этикетке вензель императорской семьи. А за его подделку – уже каторга. В кандалы им неохота. Так что они останутся и прекратят трепать нам нервы...

Шарлотта оказалась права.

Количество подделок сократилось. А понять Россию оказалось для Анри задачей очень сложной или даже вовсе невыполнимой.

Как радовались они с Шарлоттой открытию собственного магазина! К первому дню работы во всех газетах было отмечено это событие как очень значительное для Москвы. Специально к торжественному дню были изготовлены праздничные наборы ценой в один рубль. В них входили и мыло, и духи, и одеколон, и помада, и пудра, и саше. Анри представлялся праздник, солнечный, радостный, семейный. Но с утра двери магазинчика вышибла яростная разгоряченная толпа. Люди хватали подарочные наборы так рьяно, как будто бы помирали от голода, а тут щедрой рукой им даровали корку хлеба. Конная полиция едва справилась с морем покупателей, пролития крови удалось избежать только благодаря воле Всевышнего.

А какой казус произошел на выставке с одеколоном «Цветочный»!

– Я сделаю фонтан из одеколона, и дамы станут туда опускать платочки, – мечтал Анри, предвкушая эффектное представление нового одеколона.

Однако какие платки – набившиеся в павильон мужики опускали в ароматнейший одеколон свои тулупы! Потом Анри казалось, что вся Москва пропиталась этим цветочным духом, и было его уже так много, что запах утратил всю свою красоту, и терпкая смесь гвоздики, ландыша и жасмина стала настырной и даже раздражающей...

** * **

Моя дочь – эксгибиционистка.

Даринка всегда ненавидела одежду, орала истошным ором при любых попытках надеть на нее ползунки или комбинезончик. Как только у леди стало получаться раздеваться – она с удовольствием только этим и занималась. Стаскивала красивые платица, которые я выбирала для нее с любовью и восторгом (в моем детстве таких тряпочек для маленьких принцесс не было и в помине) и расхаживала нагишом по квартире, периодически заваливаясь то на голенький животик, то на попку. Теперь вредной малипусе пять лет, и она прекрасно понимает, что в детском садике или в присутствии незнакомых людей устраивать стриптиз категорически нельзя. Но бабушка-дедушка – свои в доску, с ними можно балдеть, как только заблагорассудится.

И вот мы празднуем наконец мой день рождения. Даринка, уже сонная, сидит на стуле в одних трусиках и, похоже, терзается дилеммой: пойти спать или съесть еще кусочек торта?

Обычно я не разрешаю ей избавляться от одежды (ребенку скоро в школу, пусть привыкает!), и покупная выпечка если и позволяется, то в небольших количествах.

Но сейчас у меня нет сил воспитывать дитяtku и ругаться с ней.

Пускай делает что хочет...

– Как дела у Седова? – поинтересовался папа, наливая себе виски. – Что ж ты его не пригласила? Мы бы с ним вискаря за тебя хлопнули.

Я вздохнула:

– Вот поэтому я его и не пригласила. У Володи были серьезные проблемы с алкоголем. У следователей рабочий день ненормированный. Выпивают, чтобы взбодриться, чтобы согреться, чтобы голова лучше соображала. После передачи дела в суд – застолье. За любые услуги друг другу – бутылка. Потом вот так, незаметно раз – и алкоголь становится проблемой. Жизнь со следователем и так не подарок, времени свободного нет, денег особых тоже, настроение мрачное после трудовых будней. А тут еще запои... Жены от таких ребят сваливают в темпе марша – и это опять повод выпить... Седов вовремя осознал, куда катится, и остановился. Так что не будем соблазнять моего приятеля. Для алкоголиков в завязке стаканчик виски – угроза, а не удовольствие.

Мама под шумок этого монолога ловко подкинула на мою тарелку куриную отбивную и поинтересовалась:

– Так а кто убил несчастного химика? Что Володя сказал?

– Мусь, Седов приехал, потому что я ему позвонила. Дело будет вести другой следователь. Миронов его фамилия, вроде толковый. А кто убил – это долго выяснять еще будут. Мне показалось, что парфюмер, Орехов, может кого-то подозревать. Я честно рассказала Миронову о подслушанном разговоре. Получается, в мастерской был какой-то раритет, артефакт. Духи «Красная Москва» – если я правильно расслышала.

– С ума сойти – из-за духов человека убить, – возмутилась мама.

Отец сделал глоток виски и сморщился:

– Сегодня и без особых причин убить могут. Жизнь человека ничего не стоит. Лика, надеюсь, ты не собираешься играть в следователя и ловить убийцу?

Я покачала головой.

Конечно, еще лет десять назад в такой ситуации я бежала бы впереди паровоза.

А сейчас у меня есть дочь, вся в свою мамочку – упрямая, вредная, шустрая. Если со мной что-то случится, Дарина сведет бабушку и дедушку с ума. Так что надо заботиться о себе, дабы самостоятельно возвращать сей цветочек. Не стоит перекладывать на других свои обязанности, свинство это...

К тому же Миронов мне показался толковым дядькой – вопросы задавал грамотные, судя по лицу – особо не пьет. Так что разберется; отловит урода, который проломил некоему Юрию Иванову череп. Каждый должен заниматься своим делом. Пусть сотрудники полиции и следственных комитетов ловят преступников, отправляют их за решетку. А я буду приду-

мывать добрые светлые сказки, где есть самая настоящая любовь и где добро всегда побеждает зло.

– Родители, вы можете быть совершенно спокойны. Я не полезу в это дело, в моих следовательских потугах нет никакой необходимости, – заверила я, невольно улыбаясь: Дарина перепачкалась в крем и шоколад до самых ушей. Правда, голубоглазого ангелочка с копной светлых кудряшек это ничуть не портило. – Я уверена, что следователь сам прекрасно со всем разберется.

– А ты пойдешь к этому Орехову, чтобы он придумывал для тебя личный парфюм? – не успокаивалась мама. Все мамы такие, я и сама пытаюсь обуздать в себе вечно беспокойную наседку – никаких успехов. – Вот ты придешь еще раз в эту мастерскую, а там опять убийца, и мало ли что может случиться...

У меня зазвонил телефон, и я, увидев недавно внесенный в книжку номер Миронова, вышла из-за стола.

В голове пронеслось, что Муся и так вся на нервах, а из моей мобилы слова собеседника слышны не только мне – ни к чему маме лишние подробности.

На вызов я ответила из кухни. И правильно сделала.

– Лика, на статуэтке, которой убили Иванова, обнаружены ваши отпечатки пальцев. В своих показаниях вы говорили, что не прикасались к ней.

– Совершенно верно, не прикасалась, – отозвалась я охрипшим голосом, распахивая холодильник. Где тут у Муси валидол? Очень для меня это сейчас актуально... – Я заметила статуэтку под столиком и не трогала ее.

– Лика, мне надо с вами поговорить. Криминалист, который снимал ваши отпечатки, сейчас обработал статуэтку и уверен, что ошибки быть не может.

– Послушайте, но я же вам рассказывала... Я оказалась в этой мастерской случайно... если бы мой муж в Штатах не сломал ногу, он никогда не стал бы покупать мне подарок на день рождения через Интернет...

– Я все понимаю. Успокойтесь, я ни в чем вас не обвиняю. Вы человек известный, у вас проблем с законом не было. Но вы и меня поймите: отпечатки совпали, мне надо взять ваши показания. Приезжайте. Вы можете сейчас записать адрес следственного отдела?

Я уныло пробормотала:

– Говорите, я запомню...

Закончив разговор, я забралась на подоконник, обхватила руками колени и уставилась на бегущие за окном цепочки машин.

Мой мозг, последние годы сочинявший детективные романы и сценарии, просто свистел, как старый закипающий чайник, пытаясь обработать полученную информацию.

Я не убивала Юрия – это совершенно очевидно. Я вообще его не знала! Если я и смогу кого-то убить – то разве что в ситуации самообороны. Но это же совершенно не тот случай! Юрий, разумеется, не нападал на меня! Я пришла – а он там лежит, уже мертвее мертвого. Тогда откуда там мои отпечатки? Я не трогала этой статуетки, не трогала! Уж я-то точно уверена, что была в этой мастерской впервые и не хваталась за орудие убийства!

Можно было бы теоретически предположить, что я могла бы потрогать эту статуэтку в магазине – а потом она попала к Орехову. Но практически таких совпадений не бывает. К тому же антиквариат не мой конек. Я точно не прикасалась к похожим вещам ни в магазинах, ни в квартирах друзей.

Наверное, любой автор детективных романов, если не на первой книге, так на десятой, начинает интересоваться: а возможна ли такая ситуация, когда человек трогает, допустим, бокал, а потом этот отпечаток с него снимается и переносится на орудие убийства, пистолет (или статуэтку, как в моем печальном случае)? Я консультировалась по этому вопросу с криминалистом, и его мнение было однозначным: такое невозможно, папилярные узоры

потожировых следов – вещь хрупкая. Теоретически можно «забрать» отпечаток на бумагу вроде кальки, но «перенести» проблематично, он будет смазан, и на поверхности останутся посторонние следы.

Неправильная идентификация при сравнении одинаковых отпечатков опять-таки невозможна. У меня в мастерской «откатали пальцы», и если эксперт увидел совпадения – значит, они есть, каким бы невероятным это ни казалось!

Итак, получается, отпечатки на злополучной статуэтке принадлежат мне, только мне.

Хотя я точно знаю, что не прикасалась к той по виду мраморной полуобнаженной наяде...

В мастерскую Орехова я попала по наводке Андрея.

Записывать мужа в подозреваемые – просто смешно. Он за нас с Даринкой кому угодно голову открутит, в этом я совершенно точно уверена. Но Андрея могли использовать втемную. Похоже, против меня реализуется какой-то мерзкий план. И Андрей невольно стал его частью. Впрочем, последний вопрос я могу легко уточнить.

Достав мобильник, я открыла скайп, набрала мужа и посмотрела на часы. В Нью-Йорке раннее утро, но в больнице, всегда просыпаются рано.

– С днем рождения! – Андрей сразу же включил вебку, и я невольно улыбнулась в ответ на его солнечную искреннюю улыбку. – Ты все еще именинница!

– Цветы прекрасные, торт обалденно вкусный. Спасибо! А да, и парфюмер – такой интересный.

– О, ты и к нему успела сходить? Уже с эксклюзивным парфюмом?

– Пока нет, все не так быстро. А откуда ты узнал об этом Орехове?

– Из спама, пришла реклама по мылу.

– Ты открываешь письма от незнакомых пользователей?

– Случается. А в чем дело?

– Я тебе потом расскажу, ладно? Сейчас мне надо идти.

– Но все в порядке?

Я вздохнула. Врать мужу даже из благих побуждений не самое лучшее занятие.

– Не все в порядке, солнце. Но мне сейчас надо бежать. Как только я освобожусь – наберу и все расскажу. А ты пока перешли мне, пожалуйста, тот мейл, с которого к тебе отправили письмо о мастерской Орехова.

Андрей кивнул и звонко чмокнул планшет.

Я попрощалась, спрыгнула с подоконника и засунула мобильник в карман джинсов.

Надо ехать к Миронову.

Дарину придется оставить у родителей – она и так уже носом клюет, в машине отрубится. Не тащить же детку в следственный отдел...

Да уж, вот такой день варенья у меня выдался – врагу не пожелаешь. Сколько подарков, и один другого веселее и затейливее...

* * *

«Владлен Ильич Миронов», – значилось на табличке, прикрепленной к двери нужного мне кабинета.

Теперь понятно, почему следак представляется исключительно по фамилии. Подколки на предмет вождя мирового пролетариата надоели. Мало того что Владлен – так еще и Ильич! Да уж, на редкость неосмотрительными оказались родители Владлена Ильича. Не подумали о явном переборе? Или были яростными коммунистами?..

Постучавшись для проформы, я вошла в кабинет, и на секунду мне показалось, что нахожусь у Седова: тот же кряхтящий от старости компьютер с пыльным монитором, гора

окурков в пепельнице, чашка кофе на столе, бутылка водки под столом, банка из-под шпрот, судя по запаху, также в наличии. Довершают сию «прекрасную» картину покрасневшие глаза на сером от усталости лице, густая щетина с сединой и мятый-премятый пиджак, явно свидетельствующий о том, что в личной жизни следователя Миронова имеется вакансия.

Только зеленой попугаихи Амнистии, живущей у Володьки в кабинете и обожающей снайперски нагадить на девушек (конкуренток в нас видит, что ли?) тут не наблюдается. Зато на подоконнике затаился чахлый фикус, робко намекающий на глубоко законспирированную в душе Владлена Ильича тягу к прекрасному.

– Проходите, Лика. – На лице Миронова мелькнуло подобие усталой улыбки. – Слушайте, может, вы случайно эту статуэтку схватили? Вы были в шоковом состоянии, люди часто не соображают, что делают. Такое возможно.

Присев на стул, я покачала головой:

– Не тот случай. Конечно, я перепугалась до одури. У меня день рождения, прихожу, думая мило поговорить о духах – а тут труп лежит! Я к такому делу не привычная. Для меня это всегда – стресс и шок. Но я совершенно точно знаю, что не прикасалась к статуэтке. Ручки дверей трогала, к подоконнику подходила. Убитого за руку брала, пульс искала. Но статуэтку – не было такого, точно помню. Видеть – видела, она под столик закатилась, в кровяные. Но не трогала я ее!

– Вы могли забыть. Творческие люди часто бывают рассеянными. Тем более – в состоянии шока.

– Я устала повторять – не прикасалась я к статуэтке. И забыть об этом не могла. Я могу забыть сроки сдачи проектов – потому что одновременно пишу и сценарий, и книжку, и пару-тройку статей. Но я не забываю свои действия! Кстати, – устав от объяснений, я решила сменить тему, – вы установили человека, которому звонил Орехов? Помните, я рассказывала вам о его телефонном разговоре?

Миронов прищурился:

– Извините, обсуждать с вами ход следственных действий я не имею права.

– Еще скажите, что я главная подозреваемая!

– Не знаю, – устало пробормотал Миронов, открывая бутылочку с йогуртом. Он сделал глоток, и над его губой отпечатались белые «усики». – Я уже ничего не знаю. По-хорошему – так задержать бы вас надо для выяснения всех обстоятельств. Отпечатки на орудии убийства – это вам не шуточки.

Я с наигранным испугом залепетала про Даринку и про то, что муж в отъезде – а сама только и ждала эффекта, который произведет йогурт, смешавшись в желудке Владлена Ильича с банкой шпрот и водочкой. Вот если бы он стремительно умчался в туалет, а дело не успел закрыть в сейф...

Мои прогнозы оправдались лишь частично. Порыв посетить «комнату для медитаций» у следователя возник, однако бдительности мужчина не утратил. Он не стал убирать материалы в сейф, а просто выставил меня из кабинета и закрыл его на ключ.

Правда, этот факт меня расстроил совсем ненадолго. Прогуливаясь по коридору, я вдруг обнаружила выход на длинный общий балкон, который вел прямо к окнам рабочего кабинета Миронова! А окно следователь, имеющий обыкновение курить прямо в кабинете, держал открытым.

Через минуту я уже изучала те самые бумаги, о содержании которых Владлен Ильич не желал говорить.

Впрочем, теперь понятно – дело не только в тайне следствия. Просто хвастать Миронову пока особо нечем. На его запрос о детализации звонков Орехова уже ответили – абонент, с которым парфюмер разговаривал сразу после убийства, не установлен, так как использовалась незарегистрированная сим-карта. Сам Орехов в своих показаниях тот

телефонный звонок объясняет просто: ошиблись номером. На настойчивые вопросы Миронова, не пропало ли чего из мастерской, парфюмер почему-то утверждал: ровным счетом ничегошеньки. А как же его жалобы неустановленному собеседнику на пропажу «тех самых духов «Красная Москва»?! Если исчезновение чего-либо пытаются скрыть – значит, явно имеются проблемы с законом... И еще один любопытный момент. Камеры видеонаблюдения, захватывающие вход в подъезд Орехова, как раз накануне были повреждены, и их забрали на ремонт. Этот факт может свидетельствовать о том, что убийство химика было запланированным... Данных экспертизы о моих «пальчиках» в деле пока нет, но это нормально. Эксперт часто сначала сообщает следователю информацию по телефону, а уж потом оформляет акт экспертизы. Впрочем, фамилию криминалиста из протокола осмотра места происшествия я все-таки на всякий случай записала.

Дальнейшее копание в документах показалось рискованным, я выбралась через окно на балкон. И к моменту появления следователя Миронова как раз успела принять вид человека, утомленного ожиданием под дверью.

– Будем составлять протокол допроса? – поинтересовалась я, делая вид, что ничего не знаю об отсутствии в деле экспертизы, до появления которой весь разговор со мной юридического смысла не имеет.

– Пока нет. – Миронов повернул ключ в замке и отошел в сторону, давая мне возможность пройти внутрь.

«Ну, ясно, решил меня на понт взять. А вдруг нервы сдадут и я расколуюсь – в случае причастности», – пронеслось у меня в голове. Вслух же я ехидно посоветовала следователю не запивать шпроты йогуртом.

– Мне надо взять с вас подписку о невыезде, – устало пробормотал Миронов, распечатывая бланк. – А йогурт... я уже вторые сутки на ногах. Не соображаю, что ем, что пью...

Пока кряхтел старенький принтер, я пыталась понять, симпатичен ли мне следователь и можно ли ему доверять. Методы работы у него не самые гуманные. Для пользы дела, может, это и неплохо. Но он выглядит слабым, жалким, уставшим... Нет, похоже, с таким контингентом каши не сваришь. Если бы меня, не приведи господь, кто-нибудь отправил на тот свет – я бы предпочла, чтобы мое дело вел следователь познергичнее и посообразительнее...

* * *

Оказавшись в своей машине, я первым делом достала телефон и проверила почту. Андрей, как и обещал, прислал мне мейл, с которого ему пришла реклама парфюмерной мастерской Орехова. Однако адрес, судя по написанию, явно принадлежал самому Стасу. Таким образом, откуда у Орехова появилась электронная почта Андрея, по-прежнему непонятно.

Внезапно на меня накатила волна раздражения.

Блин, мой день рождения испорчен! Какой-то труп, какие-то допросы! Во что этот проклятый нюхач втянул нашу семью?! Да я сейчас его в порошок сотру!

На мой звонок парфюмер ответил мгновенно. Судя по голосу, Орехов уже успел снять стресс и сейчас находился в той стадии алкогольного опьянения, когда хочется обнять все человечество.

– Лица, душа моя, – кажется, я буквально увидела, как он расплывается в пьяной улыбке, – а я как раз собирался вам звонить.

– По поводу?

– По поводу нашей встречи, конечно.

– Может, нам лучше не встречаться? Как-то не приводят наши с вами randevu к добру.

– Не приводят... Бедный Юрка... Но жизнь продолжается! И я уже примерно представляю композицию, которая могла бы вам подойти. В вас чувствуется сильный характер. Ноты табака с ванилью или пачули с белыми цветами...

– Скажите, а как вы узнали электронный адрес моего мужа?

– Я не имею чести знать вашего мужа.

– А кто делает рекламную рассылку вашей мастерской? У вас есть пресс-секретарь?

Парфюмер икнул:

– Нет. Один я, совсем один. Но не одинок – мир полон самых чудесных ароматов.

Убеждая себя мысленно, что мои запасы терпения неиссякаемы, я все-таки смогла добиться от парфюмера следующей информации. Рекламные письма он рассылает сам. А электронные адреса ему дают менеджеры интернет-магазинов, торгующих парфюмерией. Что, в общем, логично: если люди покупают парфюм, они скорее заинтересуются рекламной персонального запаха, чем покупатель условной бетономешалки. И это очень похоже на правду: Андрей и правда не любит ходить по торговым центрам, ему проще выбрать товар на сайте, и он действительно иногда покупал мне и себе парфюм в интернет-магазинах. К сожалению, информации о статуэтке, которой пробили голову несчастному лаборанту, оказалось совсем мало. Орехову кто-то ее привез то ли из Греции, то ли из Италии. Кто именно – он не помнит. Рассказывать парфюмеру о своей беде с отпечатками пальцев на орудии убийства я не стала. Мы договорились встретиться завтра, составить мне парфюм – и распрощались.

Я позвонила нашей соседке, Насте, живущей в коттедже напротив, и попросила выпустить беднягу Снапа, который, должно быть, уже проклинал свою безответственную хозяйку самыми гневными собачьими выражениями.

– Все сделаю, именинница, – пообещала Настя. – Моя малышня будет просто счастлива погулять с собакой.

Я улыбнулась. Соседские дети, как и Даринка, обожают Снапа, катаются на нем верхом, таскают за уши и за хвост. Снапуна всегда стойчески переносит подобные знаки внимания. Мы хорошо сделали с соседями, что оставили друг у друга ключи от наших домов. Здорово выручает вот в таких ситуациях, когда застреваешь в городе.

Попрощавшись с Настей, я завела двигатель, собираясь заехать за дочкой и вернуться в деревню. Но мой телефон зазвонил, на экране появилась фотка сурово нахмурившего брови Седова. И я очень обрадовалась. Действительно, себе я уже весь мозг с этими отпечатками на статуэтке сломала. Так пусть же мой приятель присоединится к этому увлекательному процессу!

– У меня не галлюцинации, это действительно ты и твоя «Тойота», – констатировал мой приятель, и я завертела головой по сторонам.

Действительно, так и есть – на противоположной стороне улицы стоит Вовкин «Форд» с выключенными фарами.

Через пару минут я сидела в машине Седова и активно жаловалась на жизнь.

– Как неудачно я к коллегам заехал, тут снова ты, и у тебя, как всегда, неприятности, – улыбнулся Володя, но его лицо сразу же стало серьезным. – А вообще, я удивлен, что этот эксперт-криминалист Сергей Казько опять работает. – Я вопросительно посмотрела на Володю, и он пояснил: – Да мутный он тип, твой Казько. Пару лет назад его выгоняли. Поймали на какой-то левой экспертизе за большие деньги, но к ответственности привлекать не стали. Он там кого-то отмазывал – с очень крутыми связями. Поэтому его просто уволили, без скандала, но все свои знали: сомнительная история. Да уж, такой контингент, с гнильцой, похоже, не тонет.

– Так, может, ему кто-то заплатил, чтобы он нашел на статуэтке именно мои пальцы? – осенило вдруг меня.

На лице Седова появилось скептическое выражение:

– А доказательства? Если твоих «пальцев» на статуэтке нет – как он потом выкручиться будет? Хотя ладно, что мы тут гадаем на кофейной гуще. Поехали к нему, и все выясним. Скоро он нам все расскажет как миленький.

Пока Седов выяснял адрес, я пыталась обдумать, как мы будем разговаривать с экспертом. Козырей на руках фактически нет. Если он сознательно меня топит – то чем мы его прижмем, чтобы он раскололся? Володя – лицо процессуальное, руки распускать очень уж активно не сможет. От меня тоже пользы ноль...

Впрочем, никаких аргументов для беседы не понадобилось.

Когда мы с Седовым нашли эксперта, к разговорам он был уже не расположен. Потому что накануне нашего появления к криминалисту Казько, направлявшемуся в свой подъезд, кто-то подкрался сзади, накинул ему на шею удавку и ловко придушил, а потом оттащил тело с дорожки.

Володя первым заметил лежащий за припорошенным снегом кустом труп. Пока он звонил в полицию, я попыталась нащупать пульс на руке Казько. Мне все казалось, что Седов ошибся и мужчина до сих пор еще жив – слишком естественным выглядело его лицо, несмотря на изуродовавший шею узкий красный шрам (или странгуляционную борозду, как называют его судебные медики). Однако пульса не было. Рука оказалась теплой. Похоже, все произошло буквально за пару минут до нашего появления...

– Скоро приедет следственно-оперативная группа. – Седов приблизился и с тоской посмотрел на труп Казько. – Тебя, Вронская, вообще из дома выпускать нельзя. Где ни появишься – там уже трупак лежит.

– Читаешь мои мысли. Слушай, может, нам надо было того?.. Ну, сделать вид, что нас тут не стояло?

– Да по мобильникам бы нас на следующий же день просчитали. И что бы мы тогда сказали? Это уже статья, мать.

– А сейчас мне что говорить? Приедет Миронов, он мне как раз до этого рассказал об отпечатках... Получается, у меня был мотив.

– Слышишь, мотив, – Володя легонько хлопнул меня по плечу, – не вешай нос. В конце концов, ты тут оказалась вместе со мной, а следователь – самый надежный свидетель. В таких вот скользких ситуациях показания сотрудников правоохранительных органов принимаются во внимание. Так что вопросами тебя потерзают. Но потом ты вернешься домой, а не в ИВС. Успокойся. Нервные клетки, сама знаешь...

Глава 3

1883–1900, Москва, Анри Брокар

– Брокар приехал! Брокар тут! – вопил мальчишка, несясь по улице с антикварными лавками.

Анри, рассматривавший старинный брегет, усмехнулся.

У антикваров его давно знают. Сначала скупал он фламандцев, потом стал брать и старинные подсвечники, статуэтки. Дальше – больше: комоды, кресла, гарнитуры. Иногда заплатишь кучу денег, а приобретешь такую ерунду. А порой за пару копеек завладеешь настоящим сокровищем. Как было, например, с той прокопченной доской – то ли икона, то ли еще что, на темной поверхности не разобрать ничего. Вдобавок, доска и раскололась пополам – Анри случайно сел на нее в повозке. А дома отмыл – и вышло, что сам неподражаемый Дюрер задаром достался!

– Беру, дивные часы, – решил насчет брегета Брокар, доставая деньги.

Не прошло и получаса, как он также приобрел инкрустированную малахитом вазу, а еще старинную шкатулку, искусной работы трость с набалдашником из слоновой кости и, разумеется, пару картин.

Покупки доставили Анри невероятное удовольствие.

Конечно же, он знал: торговцы обманывают его, берут втридорога.

Стоит ему только приехать к ним – весть разносится быстро, и цены сразу же вырастают. А других покупателей антиквары страшат: «Берите, а то скоро у нас Брокар появится – и боле вы такой замечательной вещицки приобрести уже не сможете».

Но в тот момент, когда Анри рассматривал старинные вещи, он был так счастлив, что это стоило любых денег.

Средства у него имелись, причем значительные.

А вот счастья – во всяком случае, полного счастья, того, о котором мечталось, – вот его-то обрести не удалось.

Роскошные антикварные вещи, дорогие и изысканные – они заменяли для Анри именно счастье, к которому он стремился и которое так и не смог получить.

Это была его месть? Его отчаяние? Или, может, облегчение?..

Зайдя домой, Анри попытался не раздеваясь пройти в свою мастерскую и сложить купленные вещи там. Однако Шарлотта, обладавшая невероятно острым слухом, выбежала из гостиной. И с досадой нахмурилась:

– О, Анри! Ты опять?! Опять накупил всякой всячины! В нашем доме скоро будет не развернуться!

Брокар виновато молчал.

Разумеется, Шарлотта права. Он покупает слишком много. Антикварными вещами забиты и гостиная, и спальня, и даже детские.

Как быстро летит время... Дочь Евгения уже невеста, интересуется, как и все девушки в ее возрасте, кавалерами и стихами. А вот мальчишки, Эмиль и Александр, в лучшую сторону отличаются от ровесников. Им не до шумных игр, они живут в мире запахов. Сыновьям разве что обнюхать дорогие старинные вещи, которыми завалена их комната, хочется, а не баловаться с ними.

– Еще только попробуй что-нибудь принести! – не унималась жена. – Ты перетащишь к нам в дом все, что было в антикварных лавках Москвы! Распоряжусь домой не пускать, коли опять с барахлом заявишься!

Наверное, на лице Анри отразилась такая тоска, что Шарлотта спохватилась, поцеловала мужа в губы и ободряюще улыбнулась:

– Это ничего, что так много у нас вещей. Нам надо просто найти для них другое место, не наш дом. И выставить их там. Пусть люди смотрят, ходят же к Третьякову.

Брокер почувствовал, как предательски дрожат губы.

У него есть все: деньги, признание, любимая жена, хорошие детки. И вроде бы грех Бога гневить жалобами да стенаниями.

Да только вот все равно сам себя не обманешь.

Нет у него того, ради чего он приехал в Россию. Мальчишкой мечтал он о том, как сочинит ароматы сладкие, как сама любовь, глубокие, как небо, незабываемые, как солнечный свет. Сейчас в волосах полно седины. А эта мечта так далека, словно и не было этих долгих лет напряженного труда...

Мыло мятное, мыло кокосовое. Мыло русское, мыло французское. Мыло сельское и мыло театральное. Спермацетное, выставочное, ярмарочное, электрическое... Десятки сортов, десятки интересных ароматных отдушек... Все это быстро раскупается, все это приносит деньги. Цветочный одеколон исправно пользуется спросом. Но духи, духи...

А ведь он всегда мечтал быть не мыловаром, а парфюмером!

И что, что вышло? Ничего!

А ведь большая часть жизни уже прожита, и будут ли благоприятственные изменения в дальнейшем – не известно...

Русские дамы не берут брокеровских духов. Заказывают из Парижа, платят Пино или Любэну втридорога. А было бы за что платить! Брокеровские духи тоньше, изящнее. И стойкость у них выше. Что, Брокер глупец – на деньги от секрета повышения стойкости духов фабрику открывать, а в своих духах тех веществ не применять? Но нет – даже если и купят духи, то потом вернут. Говорят – плохие. А они вовсе не плохие! Они лучше французских, голову можно дать на отсечение!

Шарлотта рассмотрела покупки, потом помогла разложить их по комнатам и коридорам. Затем, лукаво улынувшись, увлекла Анри в гостиную.

Там, на рояле, с превеликим удивлением увидел он коробку с любэновскими духами, линейку брокеровских пустых флаконов, а также несколько больших пузырьков, в которых на фабрике смешивались духи для дам. А еще в кресле, лаская ипица Шарлотты, сидел нотариус, господин Бородин собственной персоной.

– Я все чудесно придумала, – жена бросила на Анри лукавый взгляд, – Послушай мой план. Сейчас мы перельем любэновские духи в твои флаконы. А твоими духами наполним флаконы от Любэна. Господин нотариус письменно все это засвидетельствует.

Анри оживился:

– Что же потом?

– А потом мы станем продавать Любэна в наших магазинах. Скажем: коли плохи брокеровские духи, вот вам Любэн.

– То есть не Любэн, а Брокер – но во французских флаконах?

– Совершенно верно! А если кто купит «Брокера», а потом вернет нам в магазин, то это значит, что на самом деле он вернул те самые французские духи! А потом... Потом тебя ждет сюрприз!

Анри сразу же повеселел и занялся переливанием духов.

Пару недель он был невероятно счастлив и ни разу не ходил в антикварные лавки.

Брокеровские духи (которые на самом деле были самыми что ни на есть любэновскими) покупатели возвращали часто.

Но отдавать деньги за любэновские флаконы не приходилось, дамы говорили им комплименты – и Анри только самодовольно улыбался и расправлял свои широкие пушистые усы.

Обещанным сюрпризом оказался знакомый Шарлотте газетчик. Он был приглашен в дом и все записал самым подробным образом.

«Недавно фабрикант Генрих Брокар провел любопытнейший эксперимент. При свидетельстве нотариуса Бородина он разлил свои духи во флаконы известной французской фирмы «Любэн». Французские же духи он перелил во флаконы производства фабрики «Брокар и К^о». Сделано это было в связи с тем, что Генрих Брокар имеет мнение относительно полной неразборчивости московской публики в духах, а также в ее совершенной предвзятости к русскому мылу и духам. За все время, в течение которого продавались якобы французские духи, не обнаружено ни одного недовольного покупателя. Настоящие французские духи, напротив, упрекались в том, что они слишком просты и нестойки. На сим Генрих Брокар полагает завершить свой эксперимент и уверяет, что готов вернуть деньги введенным в заблуждение покупателям, коли те будут иметь в том такую необходимость», – сообщили вскорости «Московские ведомости».

Анри и Шарлотта ликовали.

Никто из покупателей любэновских духов в магазин не появился.

А брокаровские духи дамы стали покупать так же охотно, как мыло, пудру и помаду.

Вдохновленный спросом на духи, Анри сутки напролет просиживал в мастерской, составляя композиции то на основе ноты розы, то с ярким ландышем. Особенно же радовался он, когда удалось воссоздать аромат сирени. Парфюмеры знают: цветки сирени не поддаются перегонке, все попытки получить и сохранить запах терпят фиаско. Но можно попытаться «собрать» всю нежность аромата сирени, комбинируя запахи других цветов. Когда из пробирки запахло самой настоящей персидской сиренью, по щекам Анри заструились слезы.

«Всевышний сейчас подле меня и ангел-хранитель, – пронеслось в голове у Брокара. – Какую же невероятную судьбу мне даровали! Я сделал все, что хотел. Все мечты и мои стремления сбылись и достигнуты. И это так красиво, как запах розы. А еще в этом есть нотка пачули. Это страх мой и растерянность. Я сделал все, что хотел. Куда же нам с Шарлоттой теперь двигаться дальше?..»

** * **

Звонок Андрея по скайпу, мягко говоря, не обрадовал.

Что я скажу мужу? Про два трупа, подарочки на мой день рождения? Про то, что я – мать-кукушка, подкинула ребенка бабушке и дедушке? Хотя последнее, наверное, разумно.

Мне приходится перманентно мотаться по допросам. Я так и не разобралась с отпечатками пальцев на статуэтке. И с учетом всех этих странных событий намного спокойнее, когда дочь находится в безопасности, вовремя получит полагающийся обед или ужин и не будет, как сиротинка, ждать, пока непутевая мамаша заберет ее из садика...

Я сбросила звонок Андрея, но написала ему сообщение: «Перебрала вчера с Настей, сплю». Прилетевшее в ответ «люблю тебя, пьяница» слегка укололо мою совесть. Но я решила, что сейчас времени на рефлексии у меня нет, а потом я все объясню своему чудесному и умному мужу.

От моих намерений сидеть тихо, как мышь под веником, и сочинять истории о победе добра над злом не осталось и следа.

Этот второй труп, эксперта-криминалиста, меня просто доконал!

Да не хочу я быть пешкой непонятно в чьих играх!

Я не позволю подводить себя под монастырь и превращать свою жизнь в нескончаемую череду допросов!

В конце концов, каждый должен уметь постоять за себя. Иначе самоуважение пикирует ниже ватерлинии, и приходится жить с ощущением собственной слабости, трусости и аморфности!

Уже много лет я зарабатываю себе на жизнь тем, что сочиняю загадки на криминальные темы. Теперь мне предстоит разгадать что-то подобное. Надеюсь, справлюсь...

Вчера с Седовым мы полночи давали показания об обстоятельствах обнаружения тела. До дома я добралась под утро, выпустила Снапа побегать по участку, потом попыталась заснуть, но ничего из этой затеи не вышло. перевозбужденная последними событиями психика показывала мне зловещее кино с кадрами то проломленного черепа лаборанта, то проклятой статуэтки, то алой странгуляционной борозды на шее криминалиста.

Поэтому утро я начала с большой чашки крепкого кофе. А потом стала прикидывать, как заставить парфюмера Орехова, у которого явно рыльце в пушку, рассказать мне все, что он знает.

Наверное, бита или зажатые в дверь пальцы позволили бы получить ответы на все вопросы максимально быстро. Однако с учетом гендерного фактора пришлось отказаться от этой идеи. Привлекать грубую мужскую силу для усиления разговорчивости парфюмера мне не хотелось.

Впрочем, довольно скоро у меня появилась одна идея... И чем больше я ее обдумывала, тем более интересной она мне казалась. Риска особого вроде не было. А вот результат вполне мог появиться...

Мои размышления прервал телефонный звонок Седова.

– Подъезжаю к твоей деревне, ворота открывай, – не здороваясь, выпалил приятель и отключился.

Я включила чайник, достала из морозилки готовую пиццу и поставила ее в микроволновку. Седов, конечно, не откажется перекусить – за городом на свежем воздухе у него всегда пробуждается зверский аппетит.

Внезапный визит следователя меня не удивил. Похоже, Володе удалось узнать какие-то подробности произошедшего. Но он никогда не обсуждает такие вещи по телефону, боится прослушки. На мой взгляд, от этой привычки слегка пахнет паранойей. Однако с учетом сегодняшней доступности всяких шпионских «жучков», возможно, в такой осторожности и есть своя логика.

Через пару минут Володя уже расположился на нашей кухне и, стараясь не смотреть в умоляющие глаза Снапа (который, естественно, утром получил свою порцию корма, но всегда на любую еду смотрел так жалобно, как будто бы никто никогда не кормил эту прекрасную собаку), расправлялся с пиццей и кофе.

Закончив с едой, Седов вытер губы салфеткой и ехидно прищурился:

– Я решил, что с отпечатками пальцев на статуэтке ты, если можно так сказать, случайно под руку подвернулась.

– В каком смысле?

– Нет на статуэтке никаких отпечатков. Ни твоих, ни чьих-либо еще.

– Но Миронов-то говорил... Врал? – Я чувствовала себя растерянной и никак не могла собраться с мыслями. – Он меня на понт брал? Что-то я не понимаю, в чем прикол...

– Дело было так. После возвращения с выезда Казько отправился на свое рабочее место, оформлять вещдоки и писать акты. Его коллега, работающий за соседним столом, краем глаза видел – Казько пробивал снятые в парфюмерной мастерской пальцы по «базе». И по какой-то позиции возникло совпадение.

– Мои отпечатки есть в базе МВД? А каким образом они туда попали?

– Как раз твоих отпечатков там нет, я проверял. Но в тот момент, когда возникло совпадение, в кабинет вошел Миронов и поинтересовался, есть ли новости. Казько быстро свернул программу (его коллега со своего места это заметил) и сказал, что отпечатки пальцев на статуэтке принадлежат Лике Вронской. Коллеге Казько твое имя ничего не сказало, он подумал, что эксперт просто озвучил имя-фамилию из базы. Миронов радостно удалился пытаться тебя вопросами. А Казько запустил на свой комп вирус, который положил систему и сейчас не позволяет проследить историю последних операций.

– Так он эксперт или хакер? Я себя компьютерным чайником не считаю. Но вот так быстро грохнуть всю инфу с компа не смогла бы.

– Наверное, если бы у тебя было, что скрывать, ты бы предусмотрела быстрый вариант.

– Но зачем Казько было врать насчет меня?!

Седов пожал плечами:

– А ему все равно было, чье имя называть. Ляпнул первое, что в голову пришло. Юридической силы все это не имеет. Сказал бы потом Миронову, что ошибся. Ему надо было просто срочно остановить направлявшегося к компу следователя. Что он и сделал.

– Получается, Казько сам решил снять денег с убийцы и уничтожить его отпечатки? Блин, ну как так!

– Вот так. Этот Казько – та еще мразь. Ничего за душой нет. По трупам пойдет ради своих интересов. Ну ладно, все это лирика. А вот не лирика – я думаю, должна быть какая-то связь между Казько и убийцей.

Я кивнула:

– Ага, получается, слишком быстро все произошло. Эксперт узнал, кто убил лаборанта, связался с ним. Наверное, получил гарантии большой оплаты, уничтожил пальцы...

– А он не поторопился с уничтожением отпечатков?

– А что ему было делать? Если бы он их оставил – их пробрили бы по базе, нашли убийцу, он сдал бы криминалиста со всеми потрохами...

– А убийца как об этом узнал? Он расправился с Казько, но где были гарантии, что отпечатков нет?

Седов подлил в свою чашку кофе и вздохнул:

– Наверное, тертый калач. Или Казько – дурак, ему проболтался. Но, в общем, самое главное – больше тебя особо дергать не будут. Работай спокойно. А я поеду, работы куча, все свои дела запустил из-за этих твоих приключений.

– Спасибо. Прости, что напрягла тебя!

Володя встал, давая понять, что разговор закончен. Я проводила Седова, дождалась, пока Володин «Форд» скроется за поворотом, и пошла к своей машине.

Информация о том, что Казько втянул меня во всю эту историю случайно, была очень похожа на правду. Нет, наверное, никакого злодея, плетущего против меня мерзкие интриги. Но остановиться я уже все-таки не могу. Слишком сильно накрутила себя. А благоразумие к числу моих достоинств не относится...

* * *

Если бы не излишняя полнота, Станислав Орехов был бы очень похож на актера и режиссера Федора Бондарчука – тот же выразительный типаж внешности.

– Вот, этот парфюм я сделал для своей жены. – Стас протягивает мне блоттер и грустно добавляет: – Бывшей жены...

Я подношу полоску бумаги к лицу, с наслаждением прислушиваюсь к неторопливым ласкам ванили, проношусь над кустом бордовых распускающихся роз с капельками росы на нежных лепестках, попадаю в заросли кустов малины, спелой, готовой брызнуть терп-

ким соком... Потом вдруг возникают практически физические ощущения – прикосновения Андрея, его тепло, мягкие нежные поцелуи. Люблю просыпаться утром в объятиях мужа, когда в окно льется розоватый солнечный свет, звенят птицы, и впереди целый день, и вся жизнь, и наша любовь...

– У вас талант, – невольно вырвалось у меня, когда грезы и видения пропали и я вспомнила, что есть не только запахи, но и слова. – Потрясающий аромат. Любовь во флаконе.

Орехов пожал плечами и откинулся на спинку кресла:

– Наши отношения это не спасло... Так что, какой аромат мы будем придумывать для вас? Я думаю, сначала надо определиться с группой, а потом уже думать о нотах. Какие запахи вам нравятся? Свежие, сладкие? Древесные, восточные?

На какой-то момент мне стало некомфортно и, пожалуй, даже страшно.

Я осознала, что Орехов, за пару секунд выдернувший из моих воспоминаний самые сокровенные нежные и счастливые мгновения, может подойти прямо к моей душе. Он может оказаться слишком близко, понять мои сильные и слабые стороны. Реакция на запахи – это код сейфа. Легко и непринужденно парфюмер вскрыет хранилище с моими секретами. Если, конечно, позволить ему это сделать.

Но только я не позволю...

– Стас, а вы можете сделать мне «Ле фу д’Иссей» Иссея Мияке? Этот аромат давно снят с производства. Цены на аукционах доходят до тысячи долларов за пятьдесят миллилитров, дорого. Я скучаю по нему.

Орехов нахмурился:

– Никогда не мог понять привязанности ко всем этим снятостям и винтажам. Сколько новых марок появляется! Постоянно разрабатываются новые компоненты, обыгрывающие уже известные ноты так, что их просто не узнать! Зачем вам это надо? Воспоминания? Вы их вернете, но поймете, что вы уже другая!

Он прав.

Он снова прав, этот хитрый сомнительный человек.

Парфюм, который я прошу сделать, ассоциируется у меня с одним из самых эротичных переживаний в моей жизни.

Тогда я жила с парнем, работала журналистом, писала о политике. Пришла на интервью к лидеру политической партии – и забыла все вопросы, хотелось не обсуждать политологические нюансы, а целоваться. С моим визави происходило то же самое; сбивчивыми фразами он звал меня на прогулку, поужинать, в свою жизнь, в свою постель. Политик выключил диктофон, зарылся лицом в мои волосы и прошептал:

– У тебя потрясающие духи, ты так пахнешь...

Я убрала его руки, перевела дыхание и нажала на кнопку начала записи.

Не будет никакого ужина, никаких поцелуев, никакого секса. Потому что дома меня ждет бойфренд, который, когда я болею, приносит аспирин и чай с лимоном. Он знает мой любимый сорт шоколада и то, что зимой у меня дико мерзнут руки и ноги. И если только сейчас я скачусь в жаркую лавину другого тела – я больше уже никогда не смогу сидеть на кухне в его рубашке и болтать всякие глупости.

На следующий день политик разбился на машине. Мне хочется думать, что это просто стечение обстоятельств, что он не запивал горечь отказа алкоголем, или что если все-таки пил – то я тут совершенно ни при чем.

«Ле фу д’Иссей» для меня – очень странный запах, сладкий, горький, запах страсти и смерти...

Парфюмер не сдавался:

– А может, вам купить «Этру» от Этро? Они отличаются по пирамиде, но схожи на обонятельном уровне. А мы с вами придумаем что-нибудь лично для вас? Мне кажется, это хорошая идея.

Я покачала головой.

Не пушу в свою душу этого странного дядьку. По крайней мере, пока он не станет для меня полностью понятным, как для него понятны все тайны ароматов.

– Я искала аналог «Ле фу», и у меня есть «Этра». Да, похожи. Но «етра» идет в концентрации туалетки, а я хочу парфюмированную воду. Мне нравится, когда аромат стойкий и густой.

– Хорошо, как вам будет угодно. Это ваше право.

Орехов пытался говорить равнодушно, но лицо у него было как у обиженного ребенка. Моя Даринка так же надувает губы, когда я не разрешаю ей поглотить вторую порцию мороженого подряд.

– Может, вам стали известны какие-то новые подробности об убийстве вашего лаборанта? – интересуюсь я, делая вид, что не замечаю вселенской обиды.

– Я уточнил у следователя, можно ли сделать уборку в мастерской. Следователь разрешил. Позвонил уборщице, она прибралась. Ковер лежит в кладовке. Попросили пока не сдавать его в химчистку.

Парфюмер говорил короткими предложениями и с такими недовольными интонациями, что мне стало понятно: пора убираться восвояси.

И тогда я решила сделать то, ради чего, собственно говоря, и пришла. Открыла сумку и протянула Орехову конверт.

– Ах да, чуть не забыла. Когда я к вам поднималась, почтальон хотела опустить в ящик с номером вашей квартиры письмо. И я его забрала. Когда жила в городе – у меня всегда хулиганы из ящика почту тырили. – Я поднялась с дивана и постаралась беззаботно улыбнуться. – Хотя кто сейчас письма-то от руки пишет? Наверное, опять реклама. Такое украдут – невелика потеря.

Орехов взял конверт, равнодушно посмотрел на него, положил на столик рядом с использованными блоттерами.

– Я вас провожу. Ваш аромат будет готов дней через десять.

– Мне казалось, по готовой пирамиде духи составить – это быстро.

– У меня нет всех компонентов, придется кое-что заказать. Я вам позвоню.

– Хорошо, договорились. Буду ждать с нетерпением.

Я щебетала, улыбалась – а сама думала только об одном: клюнет ли парфюмер на мою наживку или нет?

Если поведется – то я, вполне возможно, смогу получить новую информацию...

* * *

Я сижу на Белорусском вокзале и жадно рассматриваю потоки текущих мимо людских лиц.

Мне любопытно все: морщинки на лице работяги, наглый взгляд молодой девчонки, улыбка рассматривающего игрушку ребенка, суетливость носильщиков, оценивающая хитрость таксистов.

В такие моменты я понимаю, что в моей деревенской изолированной и комфортной жизни есть и свои минусы. Я редко сталкиваюсь с посторонними людьми, я теряю связь с их проблемами, интересами, стремлениями. Мне надо чаще выходить из нашего коттеджного поселка. Иначе в моих книгах и сценариях не останется настоящей жизни. Бутафорские судьбы и высосанные из пальца проблемы – это всегда очень печально, и...

Задумавшись, я едва не пропустила то главное, ради чего, собственно говоря, и пришлось ехать на вокзал.

«Я все знаю про духи «Красная Москва». Мое молчание стоит 100 тыс. рублей. Положите их к 15 часам в ячейку камеры хранения на Белорусском вокзале, а ключ прикрепите скотчем к обратной стороне доски барной стойки в кафе «Бульбаш».

Вот такое послание получил сегодня парфюмер Станислав Орехов.

Как я и предполагала, Орехов появился на вокзале и старательно выполняет полученные от меня инструкции. Вижу, как он, оглядываясь по сторонам, подклеивает ключ скотчем. О ножницах он заранее не позаботился, оторвать кусочек липкой ленты не получается, мужчина уже покраснел от неловкости и напряжения. Пора прекращать весь этот спектакль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.